

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)52

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. В. М. Гуминский
г. Москва, Россия

ГОГОЛЬ И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ (К ПОСТАВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Аннотация: Парадоксальное отношение читателей к творческому наследию Гоголя и в особенности к «Выбранным местам из переписки с друзьями» очевидно. Это проявилось, например, не только в реакции на гоголевскую книгу современников, но и авторов знаменитого в истории русской общественной мысли сборника «Вехи» (1909). Этот сборник был, как известно, посвящен критике духовных ценностей, которые более полувека «как высшую святыню» сохраняла русская интеллигенция и которые в ходе революции 1905 г. подверглись «всенародному испытанию». Критика велась преимущественно с религиозной (христианской) точки зрения. Казалось бы, Гоголь как христианский мыслитель должен был стать союзником веховцев, их предтечей, но в действительности этого не произошло. Анализ статей Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона и др. показывает, что многие аргументы, направленные против общего атеистического, позитивистского направления интеллигентской мысли, в сущности, следуют (в целом и в частности) за наблюдениями Гоголя над кризисным состоянием современного ему русского общества. Однако, в отличие от других писателей и мыслителей (как отечественных, так и зарубежных), его имя оказывается табуированным (в соответствии с интеллигентским канонами, основы которого заложил еще Белинский), и ссылок на «Выбранные места...» и другие духовные сочинения писателя в «Вехах» нет. Хотя как писатель-сатирик, обличающий «страхи и ужасы» России, он изредка упоминается. Таким образом, получается, что авторы «Вех», предавая забвению религиозную проповедь Гоголя, во многом остаются «христианствующими интеллигентами», подобно В. В. Розанову, Д. С. Мережковскому и другим современникам, озабоченным только поисками «нового религиозного сознания». Впрочем, некоторые из авторов «Вех», например, С. Н. Булгаков вполне осознавали такое положение вещей, что и привело их в конце концов в лоно Православной Церкви.

Ключевые слова: Гоголь, традиция, интеллигенция, православие, «Вехи».

Информация об авторе: Виктор Мирославович Гуминский — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: gumins@rinet.ru

Дата поступления статьи: 20.11.2018

Дата публикации: 28.09.2019

Для цитирования: Гуминский В. М. Гоголь и русская интеллигенция (к постановке проблемы) // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 124–134.

Нельзя не признать, что судьба творческого наследия Гоголя в истории русской литературы и общественной мысли (зарубежные рецепции можно пока оставить в стороне) удивительна и парадоксальна. Количество всевозможных интерпретаций этого наследия, порой прямо противоположных по смыслу, в литературной (и не только) науке и культуре (театр, кинематограф и т. п.) с каждым годом возрастает, что по крайней мере свидетельствует о его жизнеспособности. Неуклонно возрастает и внимание к той части наследия писателя, которую относят к публицистике, духовной прозе, прежде всего к «Выбранным местам из переписки с друзьями». Общеизвестно, что в этой книге Гоголь выступил как религиозный, христианский мыслитель, публицист, духовный писатель, проповедник и учитель жизни. Хорошо известна и драматическая история книги: она, за редкими исключениями, не была принята ни в церковной, ни в светской читательской среде. Особое отношение к «Выбранным местам...» сложилось в той среде, которую принято называть русской интеллигенцией, что мы и постараемся продемонстрировать в настоящей статье. Актуальность этой проблемы, на наш взгляд, не вызывает сомнений.

В марте 1909 г. в Москве на свет появляется сборник статей «Вехи», проникнутый пафосом обличения русской интеллигенции, в первую очередь за ее отвержение высоких духовных ценностей, подчинение идее («соблазну») Великого инквизитора Достоевского, «который требовал отказа от истины во имя счастья людей» [3, с. 30]. Об этом уже в первой статье сборника писал Н. А. Бердяев («Философская истина и интеллигентская правда») и заключил, что «подлинная же любовь к людям есть любовь не против истины и Бога, а в истине и в Боге, не жалость, отрицающая достоинство человека, а признание родного Божьего образа в каждом человеке» [3, с. 31]. Ту же мысль развивал и С. Н. Булгаков в ставшей знаменитой статье «Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции)». «Нет интеллигенции более атеистической, чем русская», — констатировал будущий священник (принял сан в 1918 г.), указав, что «так повелось изначально, еще с духовного отца русской интеллигенции Белинского» [3, с. 49]. «И поразительно, — продолжал Булгаков, — сколь мало впечатления производили на русскую интеллигенцию люди глубокой образованности, ума, гения, когда они звали ее к религиозному углублению...» [3, с. 50]. Им, в сущности, вторил М. О. Гершензон в статье «Творческое самосознание», уверенный, что «нормальный, т. е. душевно цельный человек (в отличие от интеллигента с расколотыми сознанием и волей. — В. Г.) не может не быть религиозен, по самой природе человеческой души» [3, с. 92]. Ведь Божественная истина «рождается из самых основ человеческого духа, она с неотразимой силою внедряется в каждое отдельное сознание, так что, раз представ уму, она уже овладевает им, от нее некуда бежать, ибо она — Бог в человеке, то есть сознательное космическое самоопределение человека» [3, с. 87–88]. И т. д. и т. п.

Казалось бы, направление мысли авторов «Вех» совпадало или было очень близко гоголевскому, заявленному в «Выбранных местах...», и эти авторы вполне могли бы зачислить великого писателя в предшественники, союзники. Однако этого не произошло. Ссылок на Гоголя, а тем более цитат из его произведений в «Вехах» нет. Он изредка фигурирует только в перечислениях, в одном ряду с другими русскими классиками. И то лишь как создатель «гоголевских типов» наряду с «чеховскими типами» и т. д. [3, с. 63].

А на кого только авторы «Вех» не ссылаются и кого только не цитируют: Гл. Успенского и Вс. Гаршина, И. С. Тургенева и Д. И. Писарева, Н. А. Добролю-

бова и Н. Г. Чернышевского, Н. К. Михайловского и К. Д. Кавелина, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского (особенно Достоевского). Б. А. Кистяковский в статье «В защиту права (интеллигенция и правосознание)» цитирует даже произведение «поэта-юмориста», принадлежавшего кружку «молодой редакции» «Москвитянина» и к тому времени основательно подзабытого, Б. Н. Алмазова [3, с. 114]. Не говоря уже об иностранных авторах (М. Лютере, К. Марксе, Т. Карлейле, Дж. Бениане, Т. Гоббсе, А. Меркеле и др.), «Вехи» прямо-таки переполнены самыми различными именами, и справочный аппарат (указатель персоналий) к сборнику занял бы целый ряд страниц.

Вот только один, но весьма характерный пример. Булгаков дважды цитирует «знаменитое письмо» Белинского к Гоголю [3, с. 72, 78] — «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения». Более того, веховец полемизирует с этим письмом, в котором, по его словам, с характерным «интеллигентским непониманием всей действительной пропасти между атеизмом и христианством» и с «обычной самоуверенностью» преподносится «образ Христа» в виде «социал-демократа или социалиста-революционера» в результате освобождения от «церковных искажений», что было «открыто философским движением прошлого века» (Белинский). Причем аргументы Булгакова во многом повторяют, порой дословно, доводы, которые приводил сам Гоголь в ответном письме к Белинскому (конец июля – начало августа н. ст. 1847 г., из Остенде). Гоголевское письмо, как известно, не было отправлено (писатель послал критику не ранее 10 августа 1847 г. гораздо более краткое письмо, не содержащее, по существу, конкретной полемики), но к 1909 г. уже было опубликовано, пусть с пропусками и неточностями, П. А. Кулишем (см.: [10, с. 108–113]). Гоголь здесь также говорит о «самоуверенности», «отважной самонадеянности», с которой критик судит о «святине церкви», о «духовенстве, возвысившем нашу церковь», о пастырях, «которые мученической своей смертью запечатлели истину всякого слова Христова», о безрелигиозности, по Белинскому, «русского народа», «усердным подаянием Богу» которого, по Гоголю, возведены «тысячи церквей и монастырей, покрывающих русскую землю», о «грамоте, что нам дана, чтоб стремить к высшему свету человека», а не для «развращения народа русского» [5, т. XIII, с. 441, 439, 442] и т. п. Ср. у Булгакова: «Подобно лампадам, теплившимся в иноческих обителях, куда на протяжении веков стекался народ, ища нравственной поддержки и поучения, светили Руси эти идеалы, этот свет Христов, и, поскольку он обладает этим светом, народ наш — скажу не обинуясь — при всей своей неграмотности просвещеннее своей интеллигенции» [3, с. 78].

Понятно, что Булгаков вряд ли читал книгу Кулиша (и, соответственно, ответ Гоголя Белинскому), но близость гоголевской и его аргументации вполне естественна (христианская точка зрения), за исключением того, что вспомнить самого Гоголя в связи с этой полемикой Булгакову даже не пришло в голову.

Веховцы выстраивают исторические ряды религиозных мыслителей, пытавшихся пробудить соотечественников «от догматической спячки» безверия и позитивизма [3, с. 50]. По мнению Бердяева, русская интеллигенция «просмотрела оригинальную русскую философию, равно как и философское содержание великой русской литературы». «Мыслитель такого калибра, как Чаадаев, — заявлял он, — совсем не был замечен и не был понят даже теми, которые о нем упоминали» [3, с. 38]. «Зачатки новой философии, преодолевающие европейский рационализм на почве высшего сознания, — уверял Бердяев, — можно найти уже у Хомякова» и продолжил этот ряд фамилий, включив Вл. Соловьева, Б. Чичерина, А. Козлова, кн. С. Трубецкого, Л. Лопатина, Н. Лосского, «наконец, мало известного Несмелова» [3, с. 39]. Булгакову близки «писатели-славяно-

филы, Вл. Соловьев, Бухарев, кн. С. Трубецкой и др.», Гершензону — «Чаадаев, славянофилы, Достоевский» [3, с. 95]. Гоголь в этих перечислениях даже не упоминается.

Но среди указанных «в поучение» авторами «Вех» русских мыслителей были и такие, которые как раз поддержали (иногда с оговорками) гоголевскую «Переписку». Например, Чаадаев, нашедший в ней «страницы красоты изумительной, полные правды беспредельной, страницы такие, что, читая их, радуешься и гордишься, что говоришь на том языке, на котором такие вещи говорятся» (из письма П. А. Вяземскому от 10 мая 1847 г. См.: [14, с. 202–203]). Хомяков назвал Гоголя в связи с его письмами «самостоятельным мыслителем» [13, с. 190], И. С. Аксаков «идеалом художника-христианина» [1, с. 342]. Не говоря уже об архимандрите Феодоре (Бухарева), посвятившем истолкованию «Переписки» в ее неразрывном единстве со всем творчеством писателя целую книгу-исследование — «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году» (СПб., 1860).

Впрочем, интеллигенция, по мнению авторов «Вех», никак не отозвалась, осталась глуха «к религиозной проповеди Достоевского и даже Л. Н. Толстого, несмотря на внешний культ его имени» [3, с. 50–51]. Да и вообще взаимоотношения великих русских писателей и интеллигенции всегда были далеки от идиллических. «Силу художественного гения у нас, — писал Гершензон, — почти безошибочно можно было измерять степень его ненависти к интеллигенции: достаточно назвать гениальнейших — Л. Толстого и Достоевского, Тютчева и Фета <...> То, чем жила интеллигенция, для них словно не существовало; в самый разгар “гражданственности” Толстой славил “мудрую глупость” Каратаева и Кутузова, Достоевский изучал “подполье”, Тютчев пел о первозданном хаосе, Фет — о любви и вечности <...>. Больше того, в лице своих духовных вождей — критиков и публицистов — она (интеллигенция. — В. Г.) творила партийный суд над свободной истиной творчества и выносила приговоры: Тютчеву — за невнимание, Фету — на посмеяние, Достоевского объявляла реакционным, Чехова индифферентным, и пр.» [3, с. 97].

Эту же мысль подхватил П. Б. Струве в статье «Интеллигенция и революция» и выразил ее с еще большей определенностью. «Замечательно, — писал он, — что наша национальная литература остается областью, которую интеллигенция не может захватить. Великие писатели Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Чехов не носят интеллигентского лика» [3, с. 142]. Столь же далек был «героический интеллигент», полагали авторы «Вех», от народа при всем своем «народничестве», стремлении «быть спасителем человечества или по крайней мере русского народа» [3, с. 57].

Впрочем, проблема разрыва между народной жизнью и жизнью русского образованного класса, включая писателей, была со всей остротой поставлена еще славянофилами. Причем свои надежды на разрешение этой проблемы они (и не только они) связывали как раз с именем Гоголя. И. В. Киреевский, например, писал еще в 1845 г.: «Жизнь нашей словесности оторвана от жизни нашего народа. Но, читая Гоголя, мы понимаем возможность их соединения» [7, с. 213]. Однако именно в «Выбранных местах из переписки с друзьями» увидел реализацию этой возможности, пожалуй, только П. А. Плетнев. Он писал С. П. Шевыреву 21 ноября 1846 г.: «Книга писем Гоголя — есть первое явление самобытного мышления в России <...>. Ежели Бог сохранит Гоголя и даст ему силы вполне высказаться: вот где будет начало самобытной русской литературы. Мы еще не дотронулись до своей земли и жизни» [4, т. 1, с. 685–686].

Вообще, фигура П. А. Плетнева заслуживает, на наш взгляд, более внимательного рассмотрения. Мы хорошо знаем его как поэта и литературного критика

с «изящным и верным вкусом» (П. А. Вяземский), педагога, «и друга, и издателя, и касира» Пушкина (тот посвятил ему «Евгения Онегина»), а затем Гоголя (способствовал изданию «Мертвых душ» и «Выбранных мест...») и т. д. и т. п. Но мы почти ничего не знаем о религиозных убеждениях этого разночинца, сына сельского священника, первоначально учившегося в Тверской духовной семинарии и оставившего ее (не пройдя богословского класса) ради звания студента Педагогического института в Петербурге. Впоследствии, между прочими и весьма разнообразными занятиями (академик Плетнев, например, был ректором Санкт-Петербургского университета), он совершил осенью 1849 г. «путешествие по Святым местам русским и проехал около 25 городов» (из письма М. И. Орлова Д. К. Малиновскому от 17 октября 1849 г. См.: [4, т. 3, с. 684]), что было по тем временам поступком не совсем обычным. Семейную паломническую традицию продолжил и один из сыновей Плетнева — журналист, писатель, живописец, критик и мемуарист Алексей Петрович (1854–1934)¹, отправившийся в 1924 г. на Афон и оставивший в гостевой книге Русского Свято-Пантелеимонова монастыря автограф, датированный 24 августом. Впечатления от этого паломничества (описание столицы Афона — Кареи, русского скита во имя Св. Андрея Первозванного и т. п.) отразились в плетневском очерке «Спаситель мира, спаси Россию!», опубликованном в апреле 1926 г. в парижской газете «Возрождение».

Однако вернемся к «Вехам». Гоголь, можно сказать, неназванным все равно присутствует в сборнике, причем чуть ли не в каждой статье. В «Выбранных местах...» он словно обозначил отправную точку для будущих наблюдений и выводов, а авторы «Вех» спустя полвека так или иначе следуют по указанному писателем пути. Вот только несколько примеров.

Гоголь, как известно, большое внимание уделил размышлениям о государственной службе, о необходимости для каждого чиновника «полностью познать его должность», выявить ее «первообраз» [5, т. V, с. 353, 354], говорил о «святости наших обязанностей и званья» [5, т. XIII, с. 438]. В сущности, ту же мысль, но, уже используя другую («современную»), близкую ему терминологию и из-за этого несколько сместив акценты, выразил Гершензон, прямо по-гоголевски говоря о служебных местах (должностях) как о «святых»: «То совпадение профессии с врожденными свойствами личности, которое делает работу плодотворной и дает удовлетворение человеку, для нас невозможно, потому что оно осуществляется только тогда, когда личность выражена в сознании; и стоят люди на самых святых местах, проклиная каждый свое постылое место, и работают нехотя, кое-как» [3, с. 102].

Булгаков много и вполне справедливо говорил о «первой и основной христианской добродетели» — «смирении» — самом «непопулярном в интеллигентской среде» слове, которое подвергается «непониманию и извращению» у интеллигенции, что «лучше всего свидетельствует» о ее «духовной природе, изобличает ее горделивый, опирающийся на самообожение героизм». Развивая свою мысль, философ подчеркивал, что смирение, иначе говоря, «чувство ограниченности индивидуальных сил расширяющимися задачами охватывает и философского мыслителя, и государственно-го деятеля, и социального политика и т. д.» [3, с. 66].

¹ В статье о нем Л. Макаровой дата смерти писателя обозначена «после 1916» [11, с. 634]. Между тем известно, что в 1926 г. А. П. Плетнев устроил персональную художественную выставку в Белграде (см.: [9, с. 75]). Скончался А. П. Плетнев, о котором, восьмилетнем, Л. Н. Толстой писал: «Критика его очень мне дорога — ежели он по отцу пошел» [12, с. 423–424], там же, в Югославии. Часть сведений об А. П. Плетневе почерпнуты из доклада представителей Института Русского Афона (Д. В. Зубова и др.) на заседании научной секции Императорского Православного Палестинского общества 12.09.2018.

Но задолго до него Гоголь упорно призывал к «христианскому смирению» именно государственного деятеля, «занимающего важное место» (письмо XXVIII «Выбранных мест...»), адресованное гр. А. П. Толстому), трактуя это понятие вполне конкретно и, если угодно, методологически, полагая, что именно «христианское смирение» всегда поможет принять правильное политическое, государственное решение. Оно, — уверен Гоголь, — «спасет вас повсюду и отгонит то самоослепление, которое находит на многих даже очень умных людей, которые, узнавши только одну половину дела, уже думают, что узнали все, и летят опрометью действовать» [5, т. VIII, с. 350].

Тот же Булгаков обратил внимание на явление, особенно проявившееся во время революции 1905 г. и названное им «духовной педократией» — «величайшим злом нашего общества», «уродливым соотношением, при котором оценки и мнения «учащейся молодежи» оказываются руководящими для старейших, перевертывают вверх ногами естественный порядок вещей и в одинаковой степени пагубны и для старших, и для младших». «Студент» стало нарицательным именем интеллигента в дни революции», — добавил он дальше. Вполне логичным было сопоставление этого явления с христианской традицией: «И если в христианстве старчество является естественным воплощением духовного опыта и руководства, то среди нашей интеллигенции такую роль естественно заняла учащаяся молодежь» [3, с. 61].

Но Гоголь в «Выбранных местах...» заложил, если можно так выразиться, духовно-антропологические основания для подобных построений. В письме XII «Христианин идет вперед» (адресованном, вероятно, С. П. Шевыреву) Гоголь охарактеризовал юный возраст «всякого человека» как «лучшую пору», когда «стремлящая сила» ведет его к расцвету, «когда он видит перед собой подвиги (ср. у Булгакова о «героизме» интеллигенции, в особенности, молодежи. — В. Г.), за которые наградой всеобщее рукоплескание, когда ему мерещится радужная даль, имеющая такую заманку для юноши». Однако, продолжал писатель, «угаснула пред ним даль и подвиги — угаснула и сила стремящая». Не так с христианином. «Пересмотри жизнь всех святых, обращается он к адресату, — ты увидишь, что они крепили в разуме и силах духовных по мере того, как приближались к дряхлости и смерти». Причина здесь в том, что «перед христианином сияет вечно даль, и видятся вечные подвиги». Поэтому «даже и те из них, которые от природы не получили никаких блестящих даров и считались всю жизнь простыми и глупыми, изумляли потом разумом речей своих» [5, т. VIII, с. 264].

Булгаков писал, что «оборотной стороной интеллигентского максимализма является историческая нетерпеливость, недостаток исторической трезвости, стремление вызвать социальное чудо...» [3, с. 71]. Все это приводит к потере «чувства связи с прошлым и признательности этому прошлому, которое так легко теперь забывают ради будущего...» Но этот пассаж есть не что иное, как развитие гоголевской мысли о «пустой гордости и хвастовстве» («Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ». 4): «А у нас, еще не сделавши дела, им хвастаются! Хвастаются будущим! Нет, по мне, уже лучшее временное уныние и тоска от самого себя, чем самонадеянность в себе» [5, т. VIII, с. 298].

Почти в каждой статье «Вех» говорится о «партийном» духе русской интеллигенции, о нетерпимости к взглядам и мнениям других и т. п. Гоголь в «Светлом Воскресенье» и тут констатировал связь этого явления с «гордостью ума», которая «никогда еще не возростала <...> до такой силы, как в девятнадцатом веке»: «Уже ссоры и брани начались не за какие-нибудь существенные права <...> уже враждуют лично из несходства мнений, из-за противуречий в мире мысленном. Уже образовались целые партии,

друг друга не видевшие, никаких личных сношений не имевшие — и уже друг друга ненавидящие». В результате: «Все человечество готов он обнять как брата, а брата не обнимет. Отделись от этого человечества один, несогласный с ним в каких-нибудь ничтожных человеческих мнениях, — он уже не обнимет его» [5, т. VIII, с. 414, 411]. И т. д. и т. п.

Пожалуй, одним из самых любопытных сюжетов в «Вехах» являются попытки установить исторические корни русской революционной интеллигенции. Булгаков в этом вопросе весьма осторожен, хотя раннее увлечение марксизмом (см. его труд [2]), кажется, сыграло здесь свою роль. Он писал: «В исторической душе русского народа всегда боролись заветы преп. Сергия и Запорожской Сечи или вольницы, наполнявшей полки самозванцев, Разина и Пугачева» [3, с. 79]. «И эти грозные, неорганизованные стихийные силы, — продолжал мыслитель, — в своем разрушительном нигилизме только, по-видимому, приближаются к революционной интеллигенции, хотя он и принимается ею за революционизм в собственном ее духе; на самом деле они очень старого происхождения, значительно старше самой интеллигенции» [3, с. 79–80].

Намного решительнее Булгакова П. Б. Струве: для него нет сомнений в том, как назвать «социальный слой, всего более далекий от государства и всего более ему враждебный» во время Смуты, восстаний Стеньки Разина и Пугачева и т. п., словом, всего того, что в марксистской историографии называлось «крестьянскими войнами». «Носителем <...> противогосударственного «воровства», — категорически утверждал он, — было как в XVII, так и в XVIII в. «казачество». Не колеблется Струве и при определении его «исторического преемника». «После того, как казачество в роли революционного фактора сходит на нет, — уверен он, — в русской жизни зреет новый элемент <...>. Этот элемент — интеллигенция» [3, с. 138] с ее отщепенством, отчуждением от государства.

Нужно ли напоминать слова Гоголя из статьи «Взгляд на составление Малороссии» об «отчаянном народе, которого вся жизнь была повита и взлелеяна войною», а «буйная воля не могла терпеть законов и власти» [5, т. VIII, с. 46]. Однако писатель вложил в уста Тараса Бульбы предсмертное пророчество (во второй редакции повести) о грядущих выборах на царство Михаила Федоровича Романова, обращенное к полякам: «Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чувствуют дальние и близкие народы: подымется из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!.. [5, т. II, с. 173]. В этом смысле гораздо ближе к Гоголю, чем авторы «Вех», был В. О. Ключевский — на его характеристику казачества в третьей части «Курса русской истории» ссылался Булгаков. Историк подчеркивал, что с «с начала XVII в. казачество постепенно втягивается в православно-церковную оппозицию» унии, начинает выступать за «веру и народность», «поборает по обижаемому русском Боге» и т. п. (см.: [8, с. 107]). Словом, авторы «Вех» не заметили (хотя, казалось, должны были заметить) вслед за критикуемой ими революционной интеллигенцией столь важную для Гоголя религиозно-национальную составляющую движения запорожского казачества, на которую обратил внимание и Ключевский.

Однако следует признать, что в целом критический пафос авторов «Вех» (особенно Булгакова) и Гоголя по отношению к состоянию современного образованного общества, интеллигенции совпадают. Гоголь диагностирует одну из ранних стадий развития болезни, веховцы — ее обострение, чреватое катастрофическими кризисами, революциями. Только писатель конкретнее, ближе к повседневной жизни, «к семей-

ственному и государственному быту» (не случайно Гершензон в другом месте обвинял его в «крайнем и мелочном утилитаризме»), обращен не только к высотам исторических, философских и пр. построений, но и к самому себе, к своему внутреннему миру и именно в нем, опираясь на христианскую традицию, ищет критерии оценки происходящего вокруг. Ведь он был автором не только «Выбранных мест...», но и «Правил жития в мире» и т. п. В центре его размышлений — образ Христа.

«Выгнали на улицу Христа <...> наместо того, чтобы призвать Его к себе в дома, под родную крышу свою и думают, что они христиане!» («Светлое Воскресенье») [5, т. VIII, с. 412]. Вернуться к Христу призывает и Булгаков: «Интеллигенция отвергла Христа, она отвернулась от Его лика, исторгла из сердца своего Его образ, лишила себя внутреннего света жизни и платится вместе с своею родиной за эту измену, за это религиозной самоубийство». Но, «отказавшись от Христа, она носит печать Его на сердце своем и мечется в бессознательной тоске по Нем, не зная утоления своей жажде духовной» [3, с. 83].

Конечно, теократический гоголевский идеал был далек от взглядов веховцев, ни на минуту не забывавших (как и полагается интеллигентам) об обскурантизме, русском государственном деспотизме и т. п. Для Гоголя, полагающего себя членом «исторической церкви», верным Священному Преданию, как действию в церкви Божественной Благодати, одним из ключевых стремлений было максимальное сближение и даже смешение понятий государства и Церкви. Важно подчеркнуть, что авторы «Вех», вполне следуя укоренившейся в интеллигентской среде традиции (осознанно или бессознательно — другой вопрос), предали забвению религиозные взгляды великого писателя, видя в нем только сатирика, обличающего «страхи и ужасы» России. Однако, несмотря на это, их критика русской революционной интеллигенции во многом была близка той, которую Гоголь обрушил на современное общество в «Выбранных местах...» и других произведениях.

Интеллигенция и в христианстве всегда предпочитала выбирать «свой» путь. Об этом точно писал С. Н. Булгаков: «В настоящее время можно также наблюдать особенно характерную для нашей эпохи интеллигентскую подделку под христианство, усвоение христианских слов и идей при сохранении всего духовного облика интеллигентского героизма. Каждый из нас, христианин из интеллигентов, глубоко находит у себя эту духовную складку <...>. Подобный христианинствующий интеллигент, иногда неспособный по-настоящему удовлетворить средним требованиям от члена “исторической церкви”, всего легче чувствует себя Мартином Лютером или, еще более того, пророчесственным носителем нового религиозного сознания, призванным не только обновить церковную жизнь, но и создать новые ее формы, чуть ли не новую религию» [3, с. 73]. Эти слова вполне подтверждают «религиозные искания» В. В. Розанова (о его отношении к Гоголю см.: [6, с. 261–275]), Андрея Белого, Д. С. Мережковского с его учением об «Иисусе неизвестном», концепцией «нового религиозного сознания», «новой церкви Третьего Завета, Царстве Духа» и мн. др. Вплоть до XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука, 1988. 724 с.
- 2 Булгаков С. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896–1903). СПб.: Тов-во «Общественная Польза», 1903. 376 с.
- 3 Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей 1909–1910. М.: Молодая гвардия, 1991. 462 с.

- 4 *Виноградов И. А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: в 3 т. М.: Изд-во ИМЛИ, 2011–2013. Т. 1. 904 с. Т. 2. 1032 с. Т. 3. 1168 с.
- 5 *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. [Б. м.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. II. 763 с. Т. V. 511 с. Т. VIII. 815 с. Т. XIII. 563 с.
- 6 *Гуминский В. М.* Гоголь Николай Васильевич // Розановская энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 261–273.
- 7 *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. 439 с.
- 8 *Ключевский В. О.* Соч.: в 9 т. М.: Мысль, 1998. Т. III. 412 с.
- 9 *Косик В. И.* Русские краски на балканской палитре. Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX – начало XXI века). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2010. 459 с.
- 10 [Кулиш П. А.] Николай М. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: в 2 т. СПб.: В тип. А. Якобсона, 1865. Т. II. 303 с.
- 11 *Макарова Л.* Плетнёв Алексей Петрович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия. 1999. Т. 4: М–П. С. 634–636.
- 12 *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1928–1964. Т. 60. Письма 1856–1862 гг. 548 с.
- 13 *Хомяков А. С.* О старом и новом. М.: Современник, 1988. 461 с.
- 14 *Чаадаев П. Я.* Полн. собр. соч. и избр. письма. М.: Наука, 1991. Т. 2. 681 с.

© 2019. Victor M. Guminsky
Moscow, Russia

GOGOL' AND RUSSIAN INTELLIGENTSIA (ON ISSUE DEFINITION)

Abstract: Readers' paradoxical attitude towards Gogol's artistic legacy and particularly towards "Selected passages from the correspondence with friends" is obvious. This has revealed not only in contemporaries' reaction to the book by Gogol, but in that of the authors of "Milestones" (1909) — a renowned collection in the history of the Russian public thinking. As is well-known this collection was concerned with criticizing the spiritual values which for over half of the century were preserved by the Russian intellectual society "as the most sacred" and were under the "nationwide trial" during the 1905 revolution. Criticism was mostly associated with the religious (Christian) standpoint. One could believe that Gogol, being a Christian thinker, should have become an ally of the 'milestoners', their precursor, but it didn't happen. The analysis of the articles by N. A. Berdyaev, S. N. Bulgakov, M. O. Gershenzon and others shows that many of the arguments against at the common atheistic, positivistic trend in the intellectual thinking are actually following (in general and in particular) Gogol's observations of the crisis state of the modern Russian society. However unlike other writers and thinkers (both Russian and foreign) his name turns out to be under a ban (in accordance with the intellectual society's canon founded by Belinsky) so that the references to his "Selected Passages..." or other spiritual compositions in "Milestones"

are absent. At the same time he is occasionally mentioned as a satirist writer condemning Russian “fears and horrors”. Thus we can see that the authors of “Milestones” are neglecting Gogol’s religious preaching and basically remain “christening intellectuals”, similar to V. V. Rosanov, D. S. Merezhkovsky and other contemporaries, anxious to just finding a “new religious conscience”. Nevertheless some of the “milestoners”, such as S. N. Bulgakov for example, were quite aware of this and eventually found their way to the fold of the Russian Orthodox Church.

Keywords: Gogol, tradition, intelligentsia, orthodoxy, “Milestones”.

Information about author: Victor M. Guminsky — DSc in Philology, Professor, Chief Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: gumins@rinet.ru

Received: November 05, 2019

Date of publication: September 28, 2019

For citation: Guminsky V. M. Gogol’ and Russian intelligentsia (on issue definition). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 53, pp. 124–134. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Aksakov I. S. *Pis'ma k rodnym. 1844–1849* [Letters to family. 1844–1849]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 724 p. (In Russian)
- 2 Bulgakov S. *Ot marksizma k idealizmu. Sbornik statei (1896–1903)*. [From Marxism to Idealism. Collection of articles (1896–1903)]. St. Petersburg, Obshchestvennaia Pol'za Publ., 1903. 376 p. (In Russian)
- 3 *Vekhi. Intelligentsiia v Rossii. Sbornik statei 1909–1910* [Milestones. Intellectuals in Russia. Collection of articles 1909–1910]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1991. 462 p. (In Russian)
- 4 Vinogradov I. A. *Gogol' v vospominaniakh, dnevnikh, perepiske sovremennikov: v 3 t.* [Gogol in memoirs, diaries, correspondence of contemporaries: in 3 vols.] Moscow, IWL RAS Publ., 2011–2013. Vol. 1. 904 p. Vol. 2. 1032 p. Vol. 3. 1168 p. (In Russian)
- 5 Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. [b. m.], AN SSSR Publ., 1937–1952. Vol. II. 763 p. Vol. V. 511 p. Vol. VIII. 815 p. Vol. XIII. 563 p.
- 6 Guminskii V. M. Gogol' Nikolai Vasil'evich. *Rozanovskaia entsiklopediia* [Rozanovska encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, pp. 261–273. (In Russian)
- 7 Kireevskii I. V. *Kritika i estetika* [Criticism and aesthetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 439 p. (In Russian)
- 8 Kliuchevskii V. O. *Sochinenie: v 9 t.* [Works: in 9 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1998. Vol. III. 412 p. (In Russian)
- 9 Kosik V. I. *Russkie kraski na balkanskoi palitre. Khudozhestvennoe tvorcheskikh russkikh na Balkanakh (konets XIX – nachalo XXI veka)* [Russian Colours on Balkan Palette. Artistic Works of Russians in the Balkans (end of 19th – beginning of 21th century)]. Moscow, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Science Publ., 2010. 459 p. (In Russian)
- 10 [Kulish P.A.] Nikolai M. *Zapiski o zhizni Nikolaia Vasil'evicha Gogol'a, sostavlennye iz vospominanii ego druzei i znakomykh i iz ego sobstvennykh pisem* [Notes on Gogol’s Life Compiled of Memoirs of His Friends and Acquaintances and of His Own Letters]. In 2 volumes. St. Petersburg: In A. Yakobson Publ., 1865. Vol. II. 303 p. (In Russian)

- 11 Makarova L. *Pletnev Aleksey Petrovich* [Alexey Petrovich Pletnev]. *Russkie pisateli. 1800–1917: Bibliograficheskii slovar'* [Russian Writers. 1800–1917: Bibliographical Dictionary]. Moscow, Bolshaia Rossiiskaia Entsiklopedia Publ., 1999. Vol. 4: M–P, pp. 634–636. (In Russian)
- 12 Tolstoi L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols.] Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1928–1964. Vol. 60: *Pis'ma* [Letters] 1856–1862. 548 p. (In Russian)
- 13 Khomiakov A. S. *O starom i novom* [On old and new]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988. 461 p. (In Russian)
- 14 Chaadaev P. Ia. *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma* [Complete works and selected letters]. Moscow, Nauka Publ., 1991. Vol. 2. 681 p. (In Russian)